

Александр Восьмой

Альбом Ржавчина И Бархат
(Даффи Толстяк)

18+

Александр Восьмой

**Альбом Ржавчина И
Бархат (Даффи Толстяк)**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Альбом Ржавчина И Бархат (Даффи Толстяк) / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Альбом «Ржавчина и бархат» В треках сплетаются апокалиптические видения и исповеди титанов: рушащиеся миры, чёрные шпильки городов исполинов, осколки угасших звёзд и клятвы, высеченные на костях мироздания. Лирический герой здесь — мятежный вестник, стоящий на руинах эпох: он не молит о спасении, а бросает вызов самой вечности. Звуковая палитра альбома монументальна: сокрушительный бит соседствует с симфоническим размахом, органные раскаты — с индустриальным лязгом металла, а над всем этим парит властный, почти пророческий вокал. Интро и аутро каждой песни — отдельные мини спектакли: шёпоты на мёртвых языках, гул расколотых галактик, хор, поющий реквием. От «Тумана», где герой шагает по пеплу сгоревших эпох, до «Последнего лифта в никуда», уносящего в бездну небытия, альбом ведёт слушателя по краю пропасти, где боль становится бронёй, а клятва — оружием. Это не просто музыка — это хроника падения и воскрешения, написанная кровью и сталью, где каждая нота — удар молота по граниту судьбы.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой Альбом Ржавчина И Бархат (Даффи Толстяк)

1. Туман

[Куплет 1]

На руинах миров, где погасли все звёзды,
Я шагаю по пеплу сгоревших эпох.
Голоса тишины, словно вечные грозы,
Мне пророчат забвение, шепчет мне бог.
Воздух здесь — это яд, это крик мироздания,
Каждый вдох — это вызов бессмертной судьбе.
Я не помню начала, но помню призванье:
Быть огнём в этой вечной, холодной борьбе.

[Припев]

Пусть падут небеса, расколовшись на части,
И растает гранит мировых крепостей!
Я — рождённый из хаоса, бури и страсти,
Неприкаянный бог среди мёртвых людей.

[Куплет 2]

На скрижалях судьбы моё имя истёрто,
Кто-то выжег мой путь, чтоб я сбился с дороги.
Но я вижу следы легионов проклятых,
И иду по костям, что оставили боги.
Время здесь — океан, что застыл навсегда,

В его толще закованы павшие царства.

Мы — искры мятежа, что летят в никуда,

Обречённые дети слепого коварства.

[Припев]

Пусть падут небеса, расколовшись на части,

И растает гранит мировых крепостей!

Я — рождённый из хаоса, бури и страсти,

Неприкаянный бог среди мёртвых людей.

[Бридж]

И когда тишина спросит: «Кто ты, скиталец?»

Я отвечу: «Я — воля, что рвётся на свет».

Этот мир — лишь арена, где сломанный палец

Нажимает на спуск уже тысячи лет.

[Аутро]

Вечность смотрит в меня пустотой своих глазниц,

Тьма сгущается, чтобы меня поглотить.

Но пока бьётся сердце у павших границ,

Будет пламя мятежное в вечности жить...

2. Чёрные шпили

[Интро]

(Не ветер воет — то скорбь веков среди руин миров...

Не часы застыли — сама вечность остановила свой бег...

Здесь эхо — не шагов, но падения звёзд...)

[Куплет 1]

Я ступаю по праху ушедших цивилизаций,
Этот город-колосс пьёт свет далёких солнц.
Я тот, кто помнит имена, что не знала история,
Кто видел, как титаны возводили эти стены из боли.
Чёрные шпили — это клинки, что держат небесный свод,
Мы строили вечность, но создали лишь эшафот.
Здесь космос шепчет тайны, что свели бы с ума,
И каждая площадь — алтарь, где кончалась весна.

[Припев]

Чёрные шпили — рваные раны в плоти небес!
Этот город — голодный престол, где сам свет исчез.
Только звёздная пыль на губах и бездна в груди,
Мы молились на вечность и стали прахом на её пути.
Чёрные шпили вскрывают бездну, как ржавые ножи,
Здесь не будет рассвета, ты больше не жди, не дыши.
Лишь эхо пророчит: «Никто не уйдёт из тюрьмы»,
Этот город — наш титан, и мы — его мёртвые сны.

[Куплет 2]

Эпохи спрессованы в камень, где время — лишь пыль,
Витражи, что помнили богов, обратились в гниль.
Я вижу их лица в осколках — слепые глаза пустоты,
Хранящие память о мире первозданной темноты.

Тени на стенах — души забытых, проклятых богов,
Они жаждут вернуться, сорвавшись с забытых оков.
Колокол больше не звонит — сам глас божий в нём умолк,
Когда последний ангел понял, что он здесь одинок.

[Бридж]

(Рёв разверзающейся вселенной...

Хоралы на мёртвых языках...

Голос, древний, как сами звёзды)

Я взываю к бездне, и бездна глядит в ответ,

Её холод дарует мне власть на тысячи лет.

Этот город не мёртв — он врос в мою душу, в мою кровь,

И я стану его вечным стражем, его последней волей, его новой судьбой!

[Припев]

Чёрные шпильки — рваные раны в плоти небес!

Этот город — голодный престол, где сам свет исчез.

Только звёздная пыль на губах и бездна в груди,

Мы молились на вечность и стали прахом на её пути.

Чёрные шпильки вскрывают бездну, как ржавые ножи,

Здесь не будет рассвета, ты больше не жди, не дыши.

Лишь эхо пророчит: «Никто не уйдёт из тюрьмы»,

Этот город — наш титан, и мы — его мёртвые сны.

[Аутро]

(Хор нарастает, исполняя реквием на латыни)

...Et mundus in silentium cadit...

(И мир погружается в тишину)

Этот город — мой трон.

Эти руины — моя корона.

(Мощный удар оркестра и хора, обрывающийся в абсолютную тишину)

3. Пепел на языке

[Интро]

(Глубокий космический гул, треск расколотых звёзд)

(Тихий, рокочущий голос сквозь вечный холод)

— Попробуй на вкус эту вечность.

Она пахнет сгоревшим космосом.

— Попробуй на вкус эту память.

Она горчит пеплом погибших миров.

(Оркестровый удар, взрывной бит)

[Куплет 1]

Я стою на обломках миров, где галактик погасли огни,

Пыль угасших солнц на губах, как печать вечной, мёртвой брони.

Каждый вдох — эхо взрыва, что рушил основы времён,

Каждый крик мой — лишь шёпот пред рёвом, которым был мир поглощён.

Я помню, как плавилась звёзды и рушились троны богов,

Как мы клялись пред ликом вселенной, что вырвемся из её снов.

А теперь — только холод и вакуум, давящий тяжестью лет,

И слова, что могли бы всё выжечь, но им адресата здесь нет.

[Припев]

Пепел на языке — это вкус самой вечной из истин,
Это клеймо на душе мироздания, что будет гореть, не остыв.
Я взываю к теням титанов, что пали в последнем бою,
Но лишь эхо смеётся: «Здесь правит лишь ночь, стоя на краю».
Пепел на языке — как печать на всех клятвах, что дали богам,
Всё, что было живым, стало прахом, развеянным по всем мирам.
Не возжечь, не исправить, не выковать заново новый рассвет,
Только пепел и мрак, и вселенная, где больше никого нет.

[Куплет 2]

На сводах небес — только шрамы, где рушились звёздные дни,
Время здесь не течёт — оно замерло, сжавшись в объятьях брони.
Я ищу в пустоте очертания ликов, что были родней,
Но лишь вижу фантомы, летящие прочь от угасших огней.
Механизмы судьбы заржавели, их шёпот унёс ураган:
«Всё свершилось, смиришься, ты — последний хранитель космических ран».
Даже вечность устала держать эту ношу, этот груз пустоты,
А пепел всё падает, будто рождаются мёртвые сны.

[Бридж]

(Музыка стихает, остаётся лишь гул и далёкие, мощные удары)
Говорят, что из пепла восстанет однажды новый рассвет,
Но я видел, как гаснут и звёзды, и вера, которой уж нет.
Если б можно вернуть хоть мгновение до рокового «прощай»,
Я бы крикнул одно только слово, чтоб ад превратился бы в рай.

(Резкий взлёт оркестра, бит возвращается с яростью шторма)

[Припев]

Пепел на языке — это вкус самой вечной из истин,

Это клеймо на душе мироздания, что будет гореть, не остыв.

Я зываю к теням титанов, что пали в последнем бою,

Но лишь эхо смеётся: «Здесь правит лишь ночь, стоя на краю».

Пепел на языке — как печать на всех клятвах, что дали богам,

Всё, что было живым, стало прахом, развеянным по всем мирам.

Не возжечь, не исправить, не выковать заново новый рассвет,

Только пепел и мрак, и вселенная, где больше никого нет.

[Аутро]

(Бит и оркестр медленно растворяются в гуле умирающей вселенной)

Пепел...

На губах...

В звёздах...

В вечности...

(Длинный затихающий гул)

Больше нет ничего.

Только холодный космос...

И память.

4. Клятва в склепе

[Интро]

(Тягучий рёв органа, гул расколотой земли.

Титанические удары, словно шаги богов по граниту.

Шёпот, ставший голосом веков.)

— Молитвы здесь умолкли.

Живут лишь клятвы, выкованные из тьмы.

Я говорю не с людьми. Я говорю с вечностью.

И она отвечает мне.

(Стена баса сносит тишину — начинается грохот бита)

[Куплет 1]

Склеп вдыхает холод звёзд, что давно погасли,

Я стою на прахе павших империй и забытых династий.

Пыль на саркофагах — пепел проданных душ,

А письма на них — хроника сломанных судеб.

Я пришёл не просить прощенья, не склоняться пред небом,

Я пришёл высечь слово, что тяжелее судьбы самой.

Пусть рёв его сотрясёт основы мироздания,

Пусть сама вечность запомнит: я не дрогну, даже если вселенная обратится в прах.

[Припев]

Моя клятва — не слово, но печать из огня и стали,

Она древнее всех законов, страшнее гнева богов.

Я клянусь довести расплату до последнего края вселенной,

Пусть рухнут небеса, пусть расколется мир — мой путь предрешён.

Моя клятва ревёт громче шторма, громче предсмертного крика,

Её вторит хор теней, её гравировать на костях мироздания.

Никто не отнимет мою ярость, мою боль, моё право на суд,

Я обращаю эту тишину в бурю, что сметёт их имена из летописи времён!

[Куплет 2]

Здесь даже безмолвие давит, как корона титана,

Каждый камень — хранитель эпох, каждый скол — рубец на лице вечности.

Я вижу в трещинах свода предзнаменование битвы,

Словно сам храм когда-то бросил вызов богам и пал.

Но сегодня он станет моим орудием, а не гробницей,

Он понесёт мой глас сквозь века, когда я стану огнём и ветром.

Могучий бит — это пульс судьбы, бьющийся сквозь хаос,

Орган поёт не о спасении — он поёт реквием по целым мирам.

[Бридж]

(Музыка обрывается, остаётся лишь гул бездны и вселенский шёпот)

Говорят, месть — пламя, что пожрёт тебя изнутри...

Так тому и быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.